
18+
ТАТЬЯНА РЕД
СКАРХАРТ
Третий лишний

Татьяна Ред
Скархарт. Третий лишний

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74761556

Аннотация

Эйлис Шевалье – грязнокровка, чье имя для местной элиты звучит как приговор. Она пришла в Скархарт с единственной целью: доказать силу своего рода и смыть позор с имени изгнанного отца. У нее есть редкий дар, стальная воля и привычка никому не доверять. Только вот выжить в стенах Скархарта в одиночку невозможно.

На пути к вершине ее ждет не только звон тренировочных мечей и смертоносные твари Разлома. Самой опасной ловушкой становится тайна братьев Мортэн – близнецов с одинаковыми лицами, но совершенно разными душами. Один спасает ей жизнь, другой превращает ее в ад. Кому верить, если даже собственные глаза способны обмануть? Эйлис предстоит выяснить: кто в этой смертельной игре союзник, кто враг, а кто окажется третьим лишним…

Содержит нецензурную лексику.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 16
Глава 3 28
Глава 4 45
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Татьяна Ред
Скархарт. Третий лишний

Глава 1

Быть оруженосцем в нашем мире – самое благородное и одновременно самое кровавое дело. Но стать им дано немногим, а те, кому это удается, зачастую не доживают даже до конца первого этапа, сгинув в безвестности.

Когда я принесла письмо с датой прибытия в Академию Скархарт, мама разрыдалась в голос. Родители не просто отговаривали – они умоляли остаться, впиваясь пальцами в мои плечи, повторяя, что хотят видеть меня живой, а не очередной дохлой крысой, гниющей в сточной канаве Фьерд-Рима.

Я их понимала. Фамилию «Шевалье» знали здесь совсем не из-за красивого рыцарского перевода. Мой отец был в шаге от статуса оруженосца, но провалил финал второго этапа. Сорвался вниз. Но он не умер – он выжил, и этого оказалось достаточно, чтобы его заклеймили «грязнокровным». В Скархарте есть простое, как удар топора, правило: чистокровные всегда сильны, а если ты слаб – значит, был «грязным» изначально. Исключение лишь одно: если тебя убили нарочно. В таком случае тело хотя бы хоронят по правилам,

а не скидывают в Разлом на съедение вечно голодным мертвецам.

Я не прощалась долго. Не собирала сундуки с вещами: все необходимое уже было со мной. Холодная голова, верный кинжал, притороченный к бедру, и стальной стержень внутри, который не гнулся даже под тяжестью липкого, ледяного страха.

У родителей не было выбора. Либо я вернусь с золотой повязкой на плече, смыв позор, либо не вернусь вовсе. Но оставаться дома я не могла.

Месть. Знаю, каждая история, летящая в бездну, начинается с этого банального слова. Но я не хочу, чтобы мою фамилию и дальше очерняли из-за глупой ошибки отца. Меня примут – это факт. Я прогрызу себе путь. Поскольку я дочь грязнокровного, во мне не видят угрозы, лишь досадное недоразумение, но если правда всплывет… меня будут бить на каждом шагу, презирать и заваливать самой грязной, унизительной работой.

Поэтому я сразу решила: заводить друзей в Скархарте – это роскошь, на которую у меня нет времени. Дружба здесь – как открытая рана, в которую обязательно насыплют соли.

Академия Скархарт возвышалась над бездной, расколотая на две части, соединенные лишь тонкими, дрожащими на ветру тросами. Именно над пропастью нам предстояло пройти первый вступительный экзамен, глядя в лицо самой смерти. Ее было видно за километр – мрачный, игольчатый силу-

эт, нависающий над городом Фьерд-Рим. Здесь обитали те, кто прошел через ад и выжил, чтобы теперь охранять этот проклятый край.

Вход перегораживал массивный железный забор. Пики на его вершине не были декорацией: на них в самом деле могли посадить любого, кто нарушил закон Скархарта, оставив гнить на потеху воронам. Это была не угроза, а правда жизни, написанная кровью на камнях.

У ворот меня остановили стражники. На их плечах красовались коричневые повязки – знак охранников и старост, тех, кто следил за порядком в общежитиях после десяти вечера, когда тени становились длиннее и опаснее.

– Повестку, – коротко бросил один из них, с тяжелой блондинистой косой, перекинутой через плечо. От него пахло сталью и застарелым потом.

Я сжимала этот клочок бумаги всю дорогу, с самого дома, до пота на ладонях. Протянула его, не дрогнув ни единым мускулом. Здесь оценивают все: походку, взгляд, микро-мимику. Если ты боишься – ты уже труп, еще не успевший упасть. Что ты здесь тогда забыла?

Стражник кивнул, небрежно смял повестку в кулаке и молча двинулся внутрь, намекая следовать за ним. Лицо его было каменным. Идеально. Именно такими и должны быть новобранцы – безликими марионетками системы.

Вокруг царила мертвая тишина – пустота, от которой по коже бежали мурашки, а воздух казался тяжелым. Оруже-

носцы либо несли вахту у Разлома, либо патрулировали периметр, следя, чтобы никто не проскочил в Академию без повестки. И такие случаи бывали, но заканчивались они всегда одинаково быстро.

Я поправила лямку рюкзака, выпрямила спину, принимая самую гордую позу, на которую была способна, хотя внутри все сжималось в тугой узел. Двадцать три года назад отец сорвался с веревки, в паре шагов от финиша. Ровно через год родилась я.

Ступени, ведущие к входу, напоминали врата в ад. По обе стороны от них застыли статуи львов с разинутыми пастями, в которых скапливалась дождевая вода, похожая на мутную слезу. Я знала – с ними мне еще предстоит сразиться.

Если бы не отец, я бы понятия не имела, что меня ждет. Большинство новобранцев шли сюда вслепую, не зная тайн Скархарта, пока не переступали порог. А новобранцев тут набирают с восемнадцати до тридцати лет. Сюда набирали раз в месяц, и для каждого время тикало по-своему, отсчитывая остаток жизни. Самое страшное – индивидуальные задания. Убить или умереть. Других вариантов здесь просто не существовало.

Сейчас было восемь вечера – самое время, чтобы сдохнуть, если верить местным легендам. Энтузиазма ноль. Впрочем, чему тут радоваться, когда идешь на эшафот добровольно?

Новобранцев распределили по блокам общежития в са-

мой верхней части Академии. Другой блок – с учебными аудиториями – соединялся с нашим шатким, дребезжащим мостиком, который, казалось, держался лишь на честном слове и воле мертвецов. А на той стороне была она – боевая площадка. Место, где учат ходить по раскаленным камням босиком и задерживать дыхание под водой до тех пор, пока легкие не начинают гореть в агонии.

«Извините, но валяться там задницей кверху я не планировала», – подумала я, бросив последний взгляд в бездну, где клубился холодный серый туман.

Мужчина, сопровождавший меня, остановился у третьей лестницы в холле и, не глядя в глаза, коротко бросил:

– Комната на шестом этаже. Назовешь фамилию – тебя проводят.

Он развернулся и ушел, растворившись в тени коридора, не сказав больше ни слова. Шесть этажей… Хорошо, что я надела ботинки на толстой, надежной подошве. Первые пролеты дались легко, но уже на четвертом дыхание сбилось, превращаясь в тяжелый свист. И это при том, что я тренировалась до изнеможения! Но здесь лестницы – не стандартные двадцать ступенек, а бесконечные, крутые каскады по восемьдесят штук каждый.

Академия была настоящим колоссом. Семьсот лет истории, густо пропитанной кровью, сделали ее самым могущественным и самым жестоким местом в этом мире. Здесь стены буквально впитывали страх.

Добравшись до нужного этажа, я на секунду пригнулась, упираясь ладонями в колени, чтобы перевести дух, и шагнула в коридор. Он был настолько монументальным, что я почувствовала себя крошечной, дрожащей мышью в каменном лабиринте. Любоваться архитектурой, впрочем, не дали. На повороте путь преградила женщина с туго стянутым хвостом до поясницы. Глаза у нее были пустыми, выжженными – словно она уже повидала все круги ада и имела привычку пить чай с самой Смертью.

– Фамилия и имя? – ее голос прозвучал до странного грубо, совершенно не вяжась с холодным, утонченным лицом.

– Эйлис Шевалье, – отрезала я, внимательно следя за своими руками: они предательски норовили сжаться в кулаки.

Она застыла, окинув меня тяжелым, оценивающим взглядом. Поняла. Фамилия отца – уникальная, данная ему здесь, когда он был еще одиноким сиротой. Шевалье в этих стенах носила только моя семья. И для них это имя звучало как приговор, как клеймо, которое невозможно свести.

– Шестьсот третья. Завтра в четыре утра на смотровой площадке. Опоздаешь хоть на секунду – вылетишь отсюда ногами вперед.

Я кивнула, проигнорировав ее ядовитый тон. Я знала, что грязнокровок здесь презирают, и была к этому готова. Молча обойдя ее, я направилась по коридору. Женщина провожала меня взглядом до самого конца, и я чувствовала этот взгляд затылком, как прикосновение лезвия. На дверях кра-

совались номера, которые начинались почему-то с четырехсотых… странно, но ладно. В Скархарте даже хлеб в столовой мог оказаться с сюрпризом в виде зазубренной иглы.

Пройдя один поворот, потом второй, и завернув к следующей лестнице, я насторожилась. Где комната? Пришлось развернуться и идти обратно – это место оказалось сплошным, запутанным лабиринтом, созданным, чтобы свести новичка с ума.

Прямо перед моим носом с шумом распахнулась дверь. Я едва успела затормозить, чтобы не врезаться в кого-то. Дверь захлопнулась так же стремительно, и по коридору зашагал парень. Кто он? Спрашивать было бессмысленно, поэтому я быстрым шагом направилась следом, вглядываясь в его левое плечо. Белая повязка. Новобранец.

– Парень, тормози, – бросила я, стараясь придать голосу побольше стали.

Он замер и обернулся. Симпатичный, с холодным, пронзительным взглядом.

– Что?

– Где шестьсот третья комната?

Парень молча поднял руку и указал на дверь, которая находилась буквально в паре шагов от него. Как я ее не заметила? Он не стал дожидаться благодарности и быстро скрылся за поворотом. Ну и ладно, хотя бы помог – и на том спасибо.

Я подошла к двери и, сама от себя не ожидая, суеверно перекрестилась. Смешно. Бога в этих местах давно нет, здесь

правит только суровая, кровавая правда оруженосца. Стучать смысла не было, поэтому я просто дернула ручку и вошла.

В нос сразу ударил густой, приторно-сладкий аромат ванили, странно контрастирующий с общим духом казармы. Живот предательски заурчал. О перекусах здесь можно забыть: все свободное время уйдет либо на изнурительные переходы между блоками, либо на склоки с местной элитой, жаждущей крови.

Внутри стояли две кровати. Одна – пустая – явно предназначалась мне. Вторая была завалена горой одежды, обуви, косметики, а стены пестрели нервными, дерзкими рисунками. Над кроватью красовался странный оберег в виде петли из грубой веревки.

Соседка явно была с характером. Но самой ее я не видела – за дверью ванной комнаты слышались плеск воды и тихое, почти колыбельное пение. Что ж, знакомиться придется позже. Сейчас хотелось лишь одного – свалиться на кровать и забыться сном, надеясь, что завтрашнее утро не станет моим последним.

Я присела на кровать, которая ответила на это оглушительным, надрывным скрипом, эхом разлетевшимся по всей комнате. Понятно: о комфорте здесь не заботились принципиально – в Скархарте удобство считалось слабостью. Раскладывать вещи было нечем: я лишь извлекла кинжал, который был со мной с давних пор, и с привычной осторож-

ностью спрятала его под подушку. На этом мое «обустройство» закончилось, и я поставила рюкзак к тумбочке, как единственный островок безопасности в этом чужом мире.

Вода в душевой затихла, и я невольно повернула голову. Из ванной вышла девушка – пугающе худая, почти хрупкая, с волосами цвета темного пепла, контрастирующими с бледностью кожи. Она двигалась с абсолютной свободой, не стесняясь своей наготы. Я резко отвернулась, уставившись в серую, облупившуюся стену.

– Отворачиваешься так, будто у тебя нет того же самого, – в ее голосе скользнула ленивая усмешка. Она спокойно подошла к шкафу и начала выуживать белье.

– Правила приличия в этом месте окончательно отменили? – буркнула я, хмурясь и чувствуя, как к щекам приливает жар.

– Брось, Скархарт славится своим пофигизмом к чужому стыду. Ты моя новая соседка или просто за солью зашла?

– Соседка. Эйлис.

– Я Ирисс. Ирисс Вейн.

Я замерла, сжав пальцы в кулаки. Вейн…

– Дочь первого маршала Академии? – уточнила я, невольно выпрямившись.

– Ага, – она пожала плечами, натягивая черные шорты и короткий топ. – Решила пойти по стопам отца, будь он неладен. А ты? Пришла сюда вслепую или родители тоже из «элиты»?

Я напряглась. Мне хотелось сохранить свою историю в тайне как можно дольше, но разве в таком месте скроешь правду? Да и преподаватели наверняка вышвырнут мою фамилию на всеобщее растерзание в первый же день.

– Шевалье, – коротко ответила я. – Я дочь того самого Шевалье.

Глаза Ирисс округлились, а в комнате на секунду повисла такая тишина, что стало слышно, как в коридоре гуляет сквозняк.

– Ты дочь… того самого грязнокровного?

– Считай так.

– Ты либо безумная самоубийца, либо у тебя стальные нервы, – Ирисс окинула меня взглядом, в котором мешались шок и странное любопытство. – Тебя же здесь с потрохами сожрут, как только узнают. Зачем ты вообще в это ввязалась?

– У меня есть право здесь быть. А мои желания – закон. И для родителей, и для меня самой.

Ирисс на секунду притихла, внимательно разглядывая меня с ног до головы, словно пыталась прочитать мысли, написанные на моей коже.

– Ладно, – наконец произнесла она, будто приняв решение. – Моя семья никогда не была против «грязных», пока они не переходят черту. Думаю, мы поладим. Ты тоже сегодня прибыла?

– Ага. Письма всем новобранцам пришли на этой неделе. Пока отец в отлежке, я здесь.

Ирисс откинула назад свои пепельные волосы и посмотрела на меня в упор, словно проверяя на прочность:

– Скажи, Эйлис… ты не боишься умереть?

Я выдержала ее взгляд, не мигая.

– Здесь боятся все, Ирисс. Но бояться – значит не быть готовой, а не быть готовой – значит сдохнуть. Это я усвоила с колыбели.

Ирисс на секунду замерла, а потом едва заметно улыбнулась уголком губ:

– Вполне здраво мыслишь. Начинаю тебя уважать, сероглазка.

Я усмехнулась в ответ. Уважение в Скархарте стоит очень дорого, и заработать его – это уже маленькая, но победа.

– Ты знаешь, каким будет первое задание для прохода во второй тур? – уточнила я, скрещивая ноги на жесткой кровати.

– Будем на краю бездны, – Ирисс помрачнела, и в ее глазах отразилась тень недавних воспоминаний. – Между блоками натянут трос. Руки намажут густым маслом. Проползешь – тур пройден. Это проверка смекалки и нервов. Второй этап сложнее: нужно удерживать раскаленный камень в руке не меньше трех минут. Плевать на ожоги, главное – не выронить. Проверка выдержки. А третий тур – лесная зона, полная ловушек и стай волков. Там проверяют устойчивость духа. Пройдешь все три – получишь белую повязку и начнешь тренироваться по-настоящему. Не справишься хоть с

одним… останешься «грязнокровкой» до конца своих дней.

Я слушала ее, вникая в каждое слово, анализируя их, как тактическую карту. Отец упоминал что-то про горящий камень. В этом случае главное – не паниковать.

В правилах не было запрета на то, чтобы держать камень одной рукой. Если постоянно перекатывать его с ладони на ладонь, можно вытерпеть до самого конца. А руки в масле – это даже проще, чем кажется. Если скрестить большой и указательный пальцы в замок, они не разомкнутся даже под давлением. Главное – не разжимать хватку, какой бы сильной ни была боль.

– Уже десять, – Ирисс зевнула и откинулась на подушки. – Фелония вовсю рыщет по этажу, проверяя, чтобы никто не смел выходить из комнат. Советую лечь спать. Завтра твой «судный день».

По ее словам выходило, что здесь каждый новый рассвет – судный. Чтобы просто получить шанс на обучение, нужно было преодолеть этот ад. Обучение длилось всего девять месяцев, но за это время многие начинали молиться лишь об одном – чтобы смерть пришла как можно быстрее, освобождая их от этого кошмара.

Глава 2

Под утро Ирисс вытянула меня из комнаты и потащила прямиком к платформе над разломом. Там уже толпились поступающие. Территория у края пропасти была до боли пугающей и завораживающей одновременно. Место, где судьба решалась в один миг: либо ты выживаешь и идешь дальше, либо твой путь обрывается внизу, на дне бездны.

Конструкция оказалась до идиотизма простой: тяжелая металлическая балка, от которой через бездну тянулась туго натянутая веревка. Интересная методика обучения, учитывая, что буквально в паре метров был вполне надежный мостик для персонала. Но здесь не учили «переходить» – здесь учили преодолевать саму природу страха.

– Сейчас будут объявлять список. Стой смирно и не дергайся, – скомандовала Ирисс.

Рядом с ней я чувствовала себя ребенком. Она была на голову выше, а ее высокие сапоги лишь усиливали это ощущение превосходства. Вдруг из толпы к нам подошел парень и бесцеремонно приобнял Ирисс за талию. Я невольно отступила на шаг.

Она улыбнулась ему – той самой оскальной, опасной улыбкой, от которой хочется немедленно сбежать, – и резко впилась ногтями в его пах, сжимая мягкие ткани с такой жестокой силой, что он дернулся, захрипев.

– Еще раз, и я скину тебя вниз, – прошипела она, не меняясь в лице. – Усек?

Парень стиснул зубы, на щеках проступили желваки.

– Все еще обижаешься? Понял, понял…

Ирисс брезгливо вытерла руку о его рубашку, схватила меня за запястье, как младшую сестру, и потащила к остальным. Я даже не пыталась узнать, кто он – здесь каждый был сам по себе, и лишние связи могли стоить жизни.

В толпе я снова заметила того парня, что помог мне ночью. Черные волосы, странные глаза… Погоди, они не голубые. Трехцветные? Зелено-карие крапинки на радужке выглядели как глубокий ожог. Он поймал мой взгляд, и я тут же поспешно отвернулась к куратору, зачитывающей список.

– Вейн, первая. Остальные – готовиться.

– Не удивлена, – хмыкнула Ирисс, с хрустом разминая пальцы.

Она подошла к балке, где куратор грубо, почти небрежно, обмазала ее руки густым, липким маслом. Проверка на то, соскользнут ли пальцы в самый ответственный момент. Мое сердце предательски сжалось: какой у нее план?

– Время… пошло! – крикнула женщина.

Ирисс резко прыгнула, цепляясь за канат. Я затаила дыхание. Она подтянулась, закинув одну ногу через веревку, а потом… просто отпустила руки, наслаждаясь видом бездны вниз головой. Я едва не вскрикнула, но она даже не дрогнула.

– Удачи, неудачники! – прокричала она нам, выгнула спи-

ну, снова вцепилась руками в канат и, с размаху отпустив ногу, стремительно покатилась вперед.

Ее ладони легко скользили по веревке, совершенно не стираясь о грубую пеньку, будто никакого масла там не было вовсе. На середине пути она вдруг застыла, опустила глаза в пугающую пустоту и начала раскачиваться. Я видела, как напряглись мышцы на ее шее. Она перекинула обе ноги так, что они оказались между рук, подтянулась на одних плечах и села верхом на веревку, насмешливо улыбаясь в нашу сторону.

– А тут вполне уютно! Можно даже солнышко сделать! – выкрикнула она.

В следующую секунду она действительно закрутилась вокруг своей оси. И именно в этот момент я заметила то, что ускользнуло от притупленных глаз кураторов. Когда она совершала оборот, из кармана ее шорт на долю секунды показался холодный металлический блеск. Она ловко выудила маленькое кольцо-крючок, нацепила его на средний палец и зацепила за веревку. Теперь одна ее рука была полностью свободна от трения, позволяя двигаться вперед без риска сорваться.

Это не девушка, это ходячая катастрофа.

Достигнув противоположного края, Ирисс ловко спрыгнула на платформу, сделала идеальный кувырок и, выпрямившись, победно крикнула:

– Следующий!

Куратор, равнодушно проводив ее взглядом, обернулась к толпе.

– Брайан, твоя очередь.

Тот парень, что пару минут назад обнимал Ирисс, самодовольно ухмыльнулся и направился к балке. Я следила за ним, а потом перевела взгляд на соседку. Хоть она была далеко, я видела, как ее лицо исказилось от чистого, концентрированного отвращения.

– Вперед! – рявкнула куратор.

Брайан подскочил к канату и начал двигаться довольно предсказуемо, короткими рывками переставляя руки. Опасная стратегия: стоит одной ладони чуть соскользнуть, и перехватиться он просто не успеет. Мой план был другим – я собиралась использовать инерцию, скользить по максимуму, а не бороться с каждым дюймом каната, как этот самоубийца.

Парень замер на трети пути, резко подтянулся и, к моему изумлению, встал на веревку в полный рост, балансируя, как акробат. Ирисс подошла ближе к краю, наблюдая за его трюком. Я видела, как она едва заметно дернула пальцем – самый кончик веревки, закрепленной на массивной балке, мелко завибрировал.

Брайана дернуло. Я видела, как у него задрожали колени, теряя опору. В этом месте плевать на правила чести: меньше народа – больше шансов для выживших. Они все здесь мыслили именно так.

Он пригнулся, пытаясь восстановить равновесие, и сделал отчаянный, неуверенный шаг.

– Не смей, Вейн! – прорычал он, снова выпрямляясь, чтобы удержаться.

Но инерция была против него. Веревку повело, и тело парня дернулось в сторону. Он взмахнул руками, пытаясь ухватиться за пустоту, но было поздно. Его крик разрезал тишину, а через секунду оборвался глухим, тошнотворным звуком удара о дно бездны.

Мое сердце пропустило удар. Минус один.

– Шевалье, следующая, – бесстрастно отозвалась куратор. Ей было глубоко плевать, что студент только что превратился в кровавое пятно внизу.

Я шагнула вперед, и в этот момент за спиной раздался приглушенный шепот. Моя фамилия прозвучала для них как вызов. Теперь я знала точно: мне будут мешать. Каждый здесь – мой враг, и каждый хочет, чтобы я полетела вниз вслед за Брайаном.

Я подошла к балке, и чьи-то холодные, равнодушные руки обильно смазали мои ладони густым маслом. Это был не просто тест на ловкость – это был тест на выживаемость. Сейчас станет понятно, кто именно считает меня удобной мишенью.

– Пошла! – рявкнула куратор.

Я прыгнула, слегка раскачалась, зацепилась ногами за балку и, оттолкнувшись, полетела над пропастью. Обратного

пути не существовало. Только бездна внизу и пугающе далекий край впереди.

Когда инерция иссякла, я не стала мелко перебирать руками, рискуя соскользнуть. Я сжала их в «замок», переплетая пальцы до боли, и пошла вперед, плавно переставляя руки одну за другой. Сначала правая, следом левая. Раз, два. Вдох, выдох.

Вдруг веревка под моими пальцами заходила ходуном. Я замерла, вцепившись в канат так, что побелели костяшки. Обернувшись, я увидела того парня с трехцветными глазами: он вцепился в балку и тряс ее, не сводя с меня ледяного, насмешливого взгляда.

Вот же тварь. Гнида.

Я перевела взгляд на Ирисс, которая стояла у края. Она тоже протянула руку к канату. Сейчас? Она отправит меня следом за Брайаном, чтобы «очистить» путь? Но вместо того, чтобы дернуть веревку, Ирисс крепко сжала ее, стабилизируя колебания, и едва заметно кивнула мне. Этот жест ударил по нервам сильнее любого адреналина.

Но расслабляться было рано. Веревку повело с такой силой, что я подпрыгнула. Вскрик сорвался с губ, я инстинктивно подтянулась, сменив хват – теперь я висела не на ладонях, а на локтях.

Черт. Из этой позы выбраться почти невозможно, а масло делает кожу скользкой, как у угря.

Веревку продолжало колотить. Я попыталась выбросить

руку вперед, но она соскользнула, не зацепившись. Сердце заколотилось так громко, что шум в ушах заглушил даже свист ветра.

«Давай, Эйлис! Еще чуть-чуть!»

Собрав остатки сил, я сжала канат одной рукой, вложив в этот хват всю свою ненависть к этому проклятому месту, и рванула ногами вперед. Противоположный край был чуть ниже – это был мой единственный шанс. Я полетела вниз, успевая в последний момент выкинуть руки вперед, и рухнула на твердую поверхность края, сдирая кожу в кровь.

Я упала на колени, жадно хватая ртом холодный воздух. Адреналин внутри все еще бесновался, но я была здесь. Я жива.

– Эй, вставай. Раскисать рано, – Ирисс подошла ко мне и помогла подняться, ее хватка была железной.

– Я жива… – выдохнула я, чувствуя, как дрожат ноги. – Жива.

– Да-да, – усмехнулась она, глядя в бездну, где недавно исчез парень. – И, в отличие от ублюдка Брайана, который проиграл вторым, ты все еще в игре.

– Почему ты его так ненавидела? – тихо спросила я, пока мы отходили в сторону.

– Он бросил меня, когда я была беременна. Я потеряла ребенка по его вине, – голос Ирисс остался холодным, как лед в полночь. – Так что его смерть была более чем оправдана.

Я замолчала, поджав губы.

Вопросы отпали сами собой. Ненависть Ирисс была не просто весомой – она была выжжена на ее сердце, и я понимала ее без слов.

– Мортэн, следующий! – прокричала кураторша.

На балку вышел тот самый парень с трехцветными глазами. Он двигался с пугающей грацией, даже не глядя на веревку.

– Помочь ему «спрыгнуть»? – прищурилась я, глядя, как он начинает путь, а мое сердце в груди требовало отмщения.

– Быстро учишься, – отозвалась Ирисс, не сводя глаз с парня. – Если не хочешь, чтобы он трепал тебе нервы весь учебный год – милости прошу.

Я подошла к балке, скрестив руки на груди. Мортэн полз вперед, но, заметив меня, приостановился и одарил высокомерной, надменной улыбкой. Затем, решив покрасоваться перед толпой, он перекинул ноги через веревку и резко подтянулся, вставая во весь рост. Хочет повторить судьбу Брайана? Что ж, я с радостью помогу.

Я схватилась за веревку и со всей ненавистью рванула ее вниз. Брайана бы это отправило в полет, но Мортэн лишь сильнее сжал колени, оставаясь стоять так, словно был приклеен к канату.

– Вот же сволочь… – выдохнула Ирисс.

– Почему он не падает?! – прошипела я.

– У него на подошвах специальные зубцы, – процедила она. – Для сцепления со льдом и канатами. Мерзкая вещь.

Я стиснула зубы и резко дернула веревку в сторону, стараясь сбить его инерцией. Он пошатнулся, соскользнул, но тут же мертвой хваткой вцепился в канат голыми руками. Умный. И чертовски ловкий.

Мортэн раскачался, совершил грациозный рывок и спрыгнул на платформу прямо у меня за спиной, чуть не сбив с ног. Сукин сын!

Я резко обернулась. Он медленно повернул голову, растягивая губы в холодной, издевательской усмешке.

– Глупо, Шевалье, – бросил он, поправляя перчатки.

– Ты сам мешал мне на старте, – отрезала я. – Это справедливость.

Он сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию до минимума. Его трехцветные глаза, казалось, видели меня насквозь, выжигая все скрытое.

– Справедливости в этом месте нет, – прошептал он, опасно понизив голос. – Ты сдохнешь. Может, не от моих рук, но куда мучительнее. А я бы предпочел подарить тебе быструю смерть… грязнокровка.

Первый этап был пройден, но впереди оставались два других. Завтра – испытание огнем. Ирисс предлагала потренироваться хотя бы с горячей водой, чтобы привыкнуть к боли, но я лишь отмахнулась и ушла в библиотеку. На первом этаже почти никого не было – идеальное место, чтобы спрятаться от чужих глаз и зализать раны.

Я села у окна, открыла первую попавшуюся книгу, но бук-

вы плыли перед глазами. Мысли постоянно возвращались к Люциану – так назвали того парня, когда оглашали список прошедших во второй тур. Хотя список можно было не читать: все, кто не справился, уже покоились на дне Разлома.

– Читаешь? Думаешь, книжные сказки помогут тебе выжить завтра?

Я подняла голову. Люциан стоял между стеллажами, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с нескрываемым, ядовитым презрением.

– Знаешь, что ждет тех, кто провалит тур? Их отправляют в Цитадель Пепла. Слышала о таком месте?

Я знала. Там лишали прав, признавали «грязными» и ставили клеймо, которое не смыть ничем, даже кровью.

– Я не проиграю, – отрезала я. – Можешь не надеяться.

Люциан тихо усмехнулся, медленно обошел стол и остановился прямо у меня за спиной.

– Ты все еще надеешься, что кто-то подарит тебе победу только за то, что ты имела наглость назвать свою фамилию? Я бы на твоем месте сменил ее на любую другую, – он нагнулся, его дыхание опалило шею, но я не шелохнулась. – Завтра я буду смотреть, как ты горишь. В прямом смысле этого слова.

– Думаешь, сможешь продержать раскаленный камень дольше трех минут? – я повернулась к нему, не сводя глаз с его лица. – Сомневаюсь. Ты из тех, кто боится даже ноготь сломать, не то что руки в кровь сжечь.

– Острая на язык, – он не отвел взгляд. – Я держал камень четыре минуты на пробном этапе, пока остальные выли, обжигая ладони до костей.

– Надо же… – я улыбнулась, наконец разворачиваясь к нему всем корпусом. – Ты проходил отбор второй раз? Серьезно? Пробные этапы бывают только при первом поступлении. Что, с первого раза не вышло?

Люциан выгнул бровь, и в его глазах блеснула опасная искра.

– Я ушел сам. Совет решил, что я слишком опасен и перебью всех на стандартной программе. Но я вернулся. И поверь мне, Эйлис Шевалье, я не уйду, пока не получу золотую повязку. Даже если мне придется убить здесь каждого. Тебя – в первую очередь.

Я резко встала, подходя к нему вплотную.

– Попробуй. Ты крут только на словах, а на деле – не больше, чем маменькин сынок с кучей комплексов.

Люциан улыбнулся и сделал шаг назад. Неужели испугался? Я сама струхнула, когда поняла, что в первый же день завела себе такого опасного врага, но отступать было поздно.

– Завтра на арене буду ждать, – процедил он. – Не продержишься… я лично прослежу, чтобы твое клеймо выжгли поглубже. Чтобы ни один воротник… – он потянулся к моей шее и медленно оттянул край водолазки, проводя пальцем по коже.

Я резко ударила его по руке, отшатываясь.

– …не помог его скрыть, – закончил он, не теряя своей издевательской улыбки, и исчез в тени стеллажей.

Глава 3

Первая пятерка новобранцев стояла каждым со своим камнем. Они были прямиком из вулканов, так что температура превышала все допустимые нормы, и воздух вокруг них шел тяжелыми, прозрачными волнами. Кураторы говорили, что это тест на выдержку, ведь мало ли что с нами будут делать в будущем, чтобы выудить информацию или… что еще хуже, в какую жопу мы сами попадем по глупости или на задании.

Первый новобранец, девушка, которая вчера чуть не свалилась в пропасть, сегодня сдалась после полутора минут. Она с диким воплем выронила груз, и я невольно отвела взгляд: ее руки были в ожогах настолько глубоких, что сквозь обугленные лохмотья кожи были видны белесые кости. Трое других парней не дошли до финала буквально за двадцать секунд. Их трясло крупной дрожью, зубы стучали, а тело просто не адаптировалось к такому страшному температурному шоку. Парней и девушку резко, без тени жалости толкнули с позором отсюда, подальше от линии испытания, и был это странный мужчина лет тридцати, с красной повязкой на плече.

– Вы сюда не в игры пришли играть, – начал он грубым, раскатистым голосом, от которого по спине побежали мурашки. – Хотите в оруженосцы – терпите! Даже если с вас

живьем кожу снимать будут!

– Кто это? – едва слышно, одними губами прошептала я у Ирисс, которая продержалась все три минуты и теперь держала руки на весу перед собой, боясь к ним прикоснуться, чтобы не касаться вообще ничего, лишь бы не было еще более невыносимо больнее.

– Корвус Торн, убийца грязнокровок, – так же тихо процедила она сквозь стиснутые зубы.

– Поэтому у него такая повязка?

– Да, у него есть официальная возможность убивать даже чистокровных, если они нарушают законы. Один из немногих, кто делом доказал, что он не неженка и может убивать без колебаний.

Я судорожно выдохнула, пытаясь унять подступившую к горлу панику. Страшный человек. В следующем списке, который выкрикнула куратор, была я вместе с Люцианом.

Горло мгновенно пересохло, когда я сделала первые шаги вперед к черной подставке. Мортэн стоял через человека от меня, абсолютно спокойно вытянув руки ладонями вверх, чтобы уже взять этот чертов камень. На его лице не было ни единой эмоции.

– Три минуты, ровно сто восемьдесят секунд. Не так уж и много, да? – зловеще усмехнулся Корвус, махнув рукой кураторам.

Все резко, словно по команде, схватили свои камни, и я со свистом втянула воздух через зубы. Он пиздец какой горя-

чий! Мне показалось, что я засунула руки в открытый огонь.

Я зажмурилась, закрыла глаза, изо всех сил пытаясь думать о чем-то совершенно не связанном с Академией, с этим залом, с болью – о чем угодно, лишь бы унять эту предательскую дрожь в коленях. Камень маленький, размером с большую мужскую ладонь, однако печет так, будто меня уже саму целиком кинули в кипящую лаву. Рука отчаянно затряслась, пальцы начало сводить судорогой, и я аккуратно, стараясь не уронить, перекинула камень на другую руку.

Корвус медленно прошелся вдоль строя и остановился напротив, следил за мной, не отводя тяжелого взгляда. Ему явно заинтересовало то, что я так хитрю и маневрирую. Но это не помогает! Облегчения нет.

Первая минута прошла. Я затряслась всем телом, зажмурив глаза до безумия, до цветных пятен перед веками. Боль пробила до самых костей, по венам словно пустили жидкий свинец, и я начала физически чувствовать, как закипающая кожа прилипает к раскаленному камню, намертво сплавляясь с ним.

Вдруг раздался глухой звук удара камня о землю.

Открыв глаза, я увидела, как парень справа сдался, упав на колени и баюкая изуродованные кисти. Люциан пока держался, он даже не шевелился, и в какой-то момент мы встретились с ним взглядами. По его лбу крупными каплями пошел пот, смывая дорожки пыли, а глаза сильно покраснели от напряжения. Что ж, наверное, у меня вид не лучше – ли-

цо, должно быть, превратилось в бледную маску.

Еще один студент с глухим стоном скинул камень за пять секунд до финала, не выдержав этого финального ада. Мы втроем прошли дальше трехминутную отметку, и белобрысый парень по левую сторону от меня тоже скинул камень на землю, тут же громко, на весь зал заорав от безумной боли.

Но я не собиралась сдаваться. Пошла четвертая минута, время тянулось как резина.

Люциан вдруг сделал шаг вперед, сокращая между нами расстояние.

– Знаешь, в чем твоя ошибка? – тихо, но отчетливо произнес он. – Ты думаешь, я играю по правилам.

Он медленно, демонстративно отнял одну руку от своего груза, и его камень накренился. Люциан резко крутанул его, и снопы раскаленных искр полетели прямо мне в лицо, в глаза.

Я яростно зашипела, отпрянув назад, но камень в ладонях удержала, сжала изо всех сил.

– Ублюдок! – сквозь зубы прорычала я, ощущая, как мои глаза мгновенно наполнились слезами от едкого дыма и жжения.

– Плачешь? – издевательски усмехнулся он, глядя на мою слабость. – А я думал, ты сильнее. Сдайся, Шевалье.

Корвус рядом с нами сделал шаг ближе, наклонил голову, явно заинтересованный такой яростной стычкой двух быков. Ему это определенно нравилось.

– Ни за что… – выдавила я.

Мое лицо пошло иголками, острой болью, ледяным ознобом. Все и сразу смешалось в один сплошной кошмар. Но я переборола себя, открыла слезящиеся глаза и посмотрела прямо на Мортэна.

И вдруг Люциан спокойно выдохнул, разом разжал руки, и его камень с тяжелым стуком упал вниз, подняв облачко серой пыли.

Я в полном шоке округлила глаза, на секунду потерявшись, и следом послушно выпустила свой камень. Он с грохотом покатился по полу.

– Я сдаюсь, – ровным, ледяным голосом сказал Люциан, поворачиваясь к Торну. – Она выдержала дольше, чистая победа.

Я тяжело дышала и, наконец, опустила глаза вниз, на свои ладони. Накатила дурнота: кожа сплавилась, оставляя глубокие черные дыры, и я видела живое, обожженное, сочащееся сукровицей мясо.

– Ты прошла, поздравляю, – парень подошел ко мне почти вплотную, глядя сверху вниз.

– Почему ты это сделал?.. – едва слышно прошептала я, баюкая покалеченные руки у груди.

– Потому что победа, которую я тебе сейчас подарил, совсем не считается, – на его губах играла холодная, сытая улыбка. – Все видели: ты прошла только потому, что я позволил. Ты здесь ни при чем.

– Завтра вы вдвоем будете открывать сезон охоты, – довольно улыбнулся Корвус Торн, и в его глазах блеснуло что-то пугающе предвкушающее, дикое. Нас с Люцианом словно выставили на общую витрину как двух подопытных крыс, за которыми будет чертовски интересно наблюдать.

Люциан после этих слов даже не взглянул в мою сторону, будто меня здесь больше не было. Развернулся на каблуках и стремительно зашагал прочь, мгновенно растворяясь в густой толпе притихших новобранцев.

– Следующая пятерка! Быстро! – оглушительно рявкнул куратор, и я поспешила отступить назад, к стене, чувствуя, как сожженные руки начинают дико, мучительно пульсировать в такт бешеному, испуганному сердцу.

Ирисс тут же оказалась рядом, аккуратно подхватила меня под локоть – правда, ее пальцы нащупали лишь здоровые, не тронутые огнем участки кожи чуть выше запястья, чтобы случайно не причинить мне лишних мук.

– Пойдем отсюда быстрее. Пора обрабатывать это мясо, пока оно не начало отваливаться прямо на пол. Тем более, посмотри на себя, ты вся горишь, температура, небось, поднялась до самых небес.

– Так заметно? – я честно попыталась натянуть на лицо подобие своей привычной уверенной усмешки, но вместо нее вышла лишь жалкая, болезненная гримаса. Мышцы лица словно одеревенели.

Ирисс коротко хмыкнула, ловким движением дернула из

кармана шорт крошечное круглое зеркальце и бесцеремонно сунула мне прямо под нос. Я посмотрела на свое отражение – и внутри у меня все просто похолодело. На фоне моих пепельно-белых, растрепанных волос кожа лица сейчас казалась не просто воспаленной или красной, а пунцовой, как у какого-то блядского помидора в дешевом парике. Зрелище было, мягко говоря, жалким и комичным одновременно.

Мы медленно двинулись с арены обратно через деревянный мостик. Вчера я шла здесь, едва ли осознавая, в какую именно глушь и опасность лезу, а сегодня возвращалась в общежитие, неся на вытянутых перед собой руках два сплошных, пульсирующих очага невыносимой боли. Мостик натужно поскрипывал под нашими ногами, а бездна внизу, казалось, по-прежнему тянула свои холодные, невидимые щупальца к моим лодыжкам, терпеливо ожидая, пока я наконец оступлюсь от усталости.

– Ужасное, просто ублюдское испытание… – тяжело выдохнула я, чувствуя, как каждый глубокий вдох отдает резким жаром в кончики обожженных пальцев. – Про какой такой сезон охоты этот Торн сказал? Что это вообще за бред?

– Так третье испытание завтра будет, финальное, – Ирисс смотрела строго вперед, и ее лицо оставалось абсолютно невозмутимым, словно мы обсуждали меню на ужин, а не очередную смертельную забаву кураторов. – Нас на рассвете отпускают в глухой закрытый лес, и нужно продержаться там не меньше часа. Звучит просто, но есть одна малень-

кая проблема… волки. Местные твари жрут любого, кто не успел вовремя залезть на дерево или спрятаться в расщелину. А они голодные, Эйлис. Очень голодные. Их специально не кормят перед отбором.

Я тяжело сглотнула скопившуюся слюну, и в пересохшем горле неприятно, до кашля запершило. Как я буду это делать? Как я, черт возьми, буду пробираться через густые лесные дебри с руками, которые сейчас превратились в один сплошной, кровоточащий ожог? Как держать оружие? Как обороняться, если кто-то нападет? Хотя… внутри шевельнулась темная, холодная мысль. У меня ведь есть один козырь, о котором эти чистокровные идиоты даже не догадываются. Если повезет, волки завтра даже не поймут, что именно их убило.

Подъем по бесконечной каменной лестнице каждый раз казался мне все более изощренной, продуманной пыткой. Нет, я не ною, честно. Я просто констатирую очевидный факт: лестницы в Скархарте определенно спроектировал законченный садист.

– Руки сильно горят еще? – тихо, без прежней издевки уточнила соседка, когда мы наконец ввалились в наш жилой коридор.

– Немного. Кости ломит. А у тебя как?

– Прошли уже почти, так, пощипывает, – Ирисс пожала плечами. – Я же тренировалась вчера в комнате под ледяной и горячей водой, заранее приучала кожу к резким перепадам.

А вот как ты даже не завыла от боли на арене, когда этот придурок искры пустил… для меня до сих пор загадка. Ты либо скрытая мазохистка, Эйлис, либо у тебя вместо сердца в груди бьется кусок льда.

Ирисс толкнула нашу дверь, пропуская меня вперед внутрь комнаты. Запах ванили здесь больше не казался таким уютным и домашним – теперь он удушливо смешивался с резким, едким запахом лечебной мази, которую она уже расторопно выудила из нижнего ящика тумбочки. Я обессиленно села на край кровати, с трудом сдерживаясь, чтобы не задрожать всем телом от начавшегося сильного озноба. Оказывается, человеческая боль может на время притупляться, когда измученный мозг просто отказывается верить в происходящее кошмарище, уходя в какую-то свою, другую реальность.

Она усадила меня напротив себя и начала медленно, с каким-то пугающим, хирургическим спокойствием, размазывать плотную мазь по моим ладоням.

Я мгновенно скривилась, до крови закусив изнутри нижнюю губу. Ощущение было адским – ужасный, колючий, выворачивающий наизнанку контраст между воспаленной, пылающей кожей и ледяным, почти замораживающим составом лекарства. По венам будто пустили иголки.

– Терпи, будущий оруженосец, – коротко усмехнулась она, не отрываясь от своего дела и аккуратно накладывая первый слой марли.

Я поспешно отвела взгляд в сторону, чтобы не смотреть на это месиво, и вперилась глазами в ту тусклую, нарисованную кем-то на стене петлю.

– Люциан… – я буквально процедила это проклятое имя сквозь плотно сжатые зубы. – Он ведь специально все просчитал. Решил сначала дать мне глупую надежду на спасение, а потом тут же ее забрать. Какой же он расчетливый хитрец. Он хотел, чтобы я чувствовала себя обязанной ему до конца дней, а потом просто раздавил меня перед всеми этим своим высокомерным «позволением».

– А ты как хотела, грязнокровка? – Ирисс наконец отпустила мои забинтованные кисти, закончив с тугой перевязкой, и устало вытерла пальцы о полотенце. – Тут каждый второй будет делать так же, если не хуже. Пока тебе лопатой по горбу не треснут для профилактики, терпи. И даже не надейся, что завтра в лесу он будет с тобой играть в какую-то там благородную честность или рыцарство. В лесу он тебя при первой же возможности просто тихо прикончит под шумок, там такое кураторами тоже вполне приветствуется. Меньше конкурентов на выходе. Мой тебе совет: завтра лучше ни на волков, ни друг на друга вообще не напарываться. Разойдитесь по разным углам чащи.

– Без понятия, как все обернется… – я тяжело, шумно выдохнула, глядя на свои белые коконы вместо ладоней.

Ирисс во всем была чертовски права: этот ублюдок Мортэн жаждет прибрать к своим рукам абсолютно все, подчи-

нить себе правила и сделать меня своей должницей.

– Если только я не прикончу его завтра первой… – уголки моих губ против воли дрогнули в опасной, предвкушающей усмешке.

– Ой, ладно тебе, мстительница. Пошли лучше в столовку, – Ирисс ответила мне слабой, понимающей улыбкой и, закончив убирать бинты на место, поднялась на ноги. – После такого дерьмового дня хочется просто нажраться до беспамятства какой-нибудь сытной еды и провалиться в сон до самого рассвета.

– Отрава в меню сегодня будет? – я поднялась вслед за ней, стараясь не шевелить пальцами.

– Обижаешь. Обязательно.

Мы двинулись вниз по поскрипывающим ступеням. В длинных каменных коридорах уже вовсю кипела жизнь, больше похожая на лазарет после проигранной битвы: новобранцы зализывали свежие раны, с огромным трудом передвигаясь с туго перебинтованными конечностями или второпях втирая в обожженную кожу пахучие мази. Некоторым из них в этом месяце предстоял финальный выпуск – для таких «счастливчиков» выделили за пределами Академии целый заброшенный тракт, где они должны были на глазах у Совета продемонстрировать всю свою накопленную мощь в реальном деле. Если, конечно, доживут.

Столовая встретила нас привычным, оглушающим гулом огромного зала с высокими сводами. Масштабы этого мрач-

ного места до сих пор искренне поражали мое воображение. Внутри толпились голодные, измученные люди, жадно набрасываясь на разложенную еду – они в своей эйфории после выживания даже не осознавали, что каждый второй поднос здесь может быть смертельно отравлен кураторами ради забавы или очередной проверки.

– Бери сухую закуску, ее травят реже всего, – едва слышно шепнула мне на ухо Ирисс и, быстро прихватив деревянный поднос с какими-то фруктами, уверенно направилась к свободному столику в углу.

Я тяжело выдохнула. Аппетита после зрелища на арене не было вовсе, желудок скрутило в тугой узел, поэтому я безмолвно последовала за ней с совершенно пустыми руками. Стоило нам сесть, как к Ирисс тут же буквально «приклеился» высокий плечистый парень. Тот самый, что сегодня стоял в нашей тройке лидеров на испытании с камнями вместе с высокомерным Люцианом.

Я молча опустилась на жесткий стул напротив подруги, пряча перебинтованные руки под стол и искренне надеясь остаться незамеченной для чужих глаз.

– Эйлис, познакомься, это Файдон, – представила его Ирисс, беря с подноса яблоко. – Мой давний друг детства.

– Очень приятно… – неохотно выдавила я, стаскивая дрожащими пальцами с тарелки подруги спелую клубнику, чтобы хоть как-то занять руки.

– Ты отлично держалась сегодня на арене, Эйлис. Неожи-

данно для… дочери грязнокровного. Не в обиду, – тут же добавил Файдон, заметив, как я помрачнела, и поспешно оправдываясь за свою бестактность.

– Я не обижаюсь. Спасибо, – сухо отрезала я, давая понять, что тема закрыта.

Парень понимающе кивнул и снова быстро перевел свой взгляд на Ирисс.

– Надеюсь, завтра в лесу моим партнером по выживанию будешь именно ты.

– Чтобы нас обоих в итоге с позором вышвырнули? Нет уж, спасибо. Лучше просто постарайся не проиграть в первые десять минут, Карсон.

Я слегка прищурилась, лихорадочно пытаясь вспомнить среди сотен благородных семейств хоть кого-то с такой звучной фамилией. Все было тщетно. Даже подробные рассказы отца, из которых я годами жадно черпала все свои скудные знания о «сильных мира сего», сейчас не выдавали в моей голове никаких зацепок.

– Смотри-ка, минус один, – вдруг хищно ухмыльнулся Файдон, забавно кивнув головой куда-то за спину Ирисс, вглубь прохода.

Мы одновременно обернулись, и я резко замерла на месте, перестав жевать. Прямо на грязном полу, в жестоких конвульсиях, с густой белой пеной у рта и хриплыми, свистящими звуками, отчаянно бился какой-то парень из утренней пятерки. Очередной яд нашел свою жертву.

– Вы не собираетесь ему помочь? – мой голос среди этого праздного шума прозвучал как-то неестественно глухо и тихо.

– Ему уже абсолютно ничего не поможет, – парень лишь равнодушно, с легкой скукой пожал широкими плечами и откусил кусок хлеба.

И в этот самый момент по проходу, мимо нашего стола, неторопливо прошли Люциан и какой-то высокий незнакомец. Я шумно, испуганно ахнула, когда Мортэн, даже не сбавляя своего уверенного шага и не вынимая рук из карманов, с ноги резко, с глухим стуком впечатал бьющуюся голову несчастного парня прямо в железную ножку соседнего стола. Бедолага в последний раз крупно дернулся и мгновенно затих в луже собственной крови, а они спокойно продолжили свой путь дальше, словно под ногами ничего не произошло.

– Эй! – я вскочила со стула, тяжело ударив коленями по столу и буквально преграждая им двоим дорогу. – Человек на твоих глазах умирает, а ты просто берешь и хладнокровно добиваешь его? Ты совсем больной на голову?!

Люциан резко замер, лениво переведя на меня свой тяжелый взгляд, и медленно, издевательски выгнул идеальную бровь.

– Был живым, стал мертвым. Какая теперь разница? – его голос звучал пугающе обыденно. – Ты ведь завтра в лесу будешь валяться точно так же, Шевалье, когда тебя начнут за-

живо рвать голодные волки. Только мне надо будет не забыть лично вонзить тебе нож между ребер. До первой крови, такое официальное правило отбора, Шевалье. Ты ведь помнишь?

– Посмотрим, кто из нас сдохнет первым, – процедила я сквозь зубы, чувствуя, как внутри закипает ярость. – Иначе пока что языком ты работаешь куда лучше и увереннее, чем своими мозгами.

Люциан резко подался вперед, нарушая все границы личного пространства, и в его потемневших глазах блеснула опасная, почти безумная искра:

– Ты еще даже близко не знаешь, грязнокровка, как именно хорошо я умею работать языком, Шевалье.

– Язык без костей, а член – пять сантиметров, – громко, четко перечислила я, глядя ему прямо в зрачки с легкой, почти ласковой и приторной улыбкой. – Ты, Мортэн, может, и бог для какой-нибудь местной восторженной дурочки, но уж точно не для меня. Запомни это.

– Хочешь проверить прямо сейчас, сколько у меня там на самом деле? – в его резко изменившемся голосе проскользнула отчетливая физическая угроза, смешанная с каким-то мерзким, темным предвкушением.

– Нет ни малейшего желания трахаться с законченным психопатом.

Я резко развернулась, принципиально не дожидаясь его ответа, и широким шагом зашагала прочь из этой душной

столовой. Настоящее отвращение прилипло к моей коже так плотно, что казалось, никакой горячий душ в мире больше не смоет эту липкую грязь.

– Шевалье! – полетело мне вслед.

Я на секунду остановилась, сжав кулаки. Ну конечно, этот самовлюбленный козел не собирался так просто и безвольно меня отпускать после такого унижения перед толпой.

– Я слышал, у недоносков и грязнокровок кровь киснет в разы быстрее, – отчетливо донеслось у меня за спиной под тихие смешки других студентов. – Проверим эту теорию завтра на практике? Эдем, дай кинжал.

Я медленно, с достоинством обернулась к нему всем корпусом, одарив его самой широкой, лучезарной и фальшивой улыбкой, на которую только была сейчас способна.

– Моя кровь чиста, как слеза матери, Мортэн. А лично убедишься ты в этом завтра на рассвете, когда я всухую выиграю это чертово испытание и приду за тобой. Тик-так, Мортэн. Твое время пошло.

Я развернулась и пошла прочь, чеканя каждый шаг по направлению к лестнице.

– Ты завтра будешь на коленях умолять меня не трогать тебя! – донесся до меня его сорвавшийся, яростный крик, привлекший внимание половины зала.

Я даже не подумала обернуться – просто высоко и гордо вскинула вверх правую забинтованную руку, показав ему четкий средний палец, и окончательно скрылась за темным

поворотом коридора.

Глава 4

Утренний этап стартовал ровно в семь. Воздух в лесу был таким холодным и сырым, что изо рта вырывались густые клубы пара. Господин Корвус выставил меня на самой границе леса, уходящей в непроглядную серую чащу. Он стоял рядом, скрестив руки на груди и то и дело поглядывая на старинные карманные часы, ожидая семи пятнадцати – именно в этот момент прозвучит сигнал и всех пустят внутрь одновременно. Каждая минута ожидания казалась бесконечной пыткой, бинты на ладонях немилосердно стягивали обожженную кожу, превращая любое мимолетное движение пальцев в новую вспышку боли.

– Это подготовка к чему? – спросила я, нарушая тяжелую тишину, просто чтобы попытаться хоть немного сбить это давящее, липкое напряжение перед стартом.

– К выживанию, Шевалье, – Корвус даже не повернул головы в мою сторону, продолжая следить за стрелкой. – Помогает ориентироваться на чужой местности, даже когда на тебя охотятся дикие хищники. А поиск друг друга в условиях ограниченного времени… отлично тренирует внутреннюю координацию. Я исчерпывающе ответил на твой вопрос?

Я коротко кивнула, сжимая зубы. Никакого интереса друг к другу мы, очевидно, не испытывали, и это было абсолютно взаимно. Для него я была лишь очередной строчкой в про-

токоле отбора.

– Как там твой отец, Шевалье? – вдруг негромко, с легкой, едва уловимой издевкой спросил он.

Я мгновенно застыла, внутри все болезненно сжалось от этого неожиданного вопроса, но я силой заставила себя сохранить безупречное, каменное выражение лица, не выдав ни единой эмоции.

– Живет, – сухо отозвалась я, глядя прямо перед собой. – Зачем вы спрашиваете?

– Просто любопытно узнать, как поживает тот, кого в свое время так показательно изгнал мой отец.

Ах, вот оно что. Пазл в моей голове со щелчком сложился, и теперь я окончательно поняла, откуда мне так хорошо была знакома его фамилия. Его отец изгнал моего из Совета и своими же руками поставил позорное клеймо изгнанника в Цитадели… Вся моя жизнь перевернулась из-за его семьи.

– Пошла! – оглушительно рявкнул Торн, мгновенно отбрасывая светский разговор, стоило стрелке доползти до нужной отметки.

Я сорвалась с места, метнулась вперед, вглубь серого полумрака. Под ногами хлюпала сырая земля, я перепрыгивала через склизкие, покрытые мхом коряги и массивные поваленные стволы вековых деревьев. Лес был просто огромным – казалось, своими дикими дебрями он превосходил по площади город и саму Академию, вместе взятые. Бег был моим единственным шансом успеть скрыться и выгадать время.

Где сейчас Люциан? Бежит где-то по правую руку от меня, караулит за ближайшим поворотом или находится на совершенно другом конце этого проклятого леса?

Я резко остановилась возле раскидистого папоротника, тяжело дыша и судорожно вслушиваясь в мертвую, звенящую тишину чащи. Слышался только стук моего собственного сердца. Волков поблизости, кажется, не было. Отлично, дышим глубоко и идем дальше.

Деревья здесь смыкались над головой так плотно и тяжело, что дневное небо превратилось в узкую серую полоску где-то на самой вышине. По какой-то злой иронии судьбы, эту Академию всегда окутывали грозовые тучи. Впереди, метрах в двадцати, среди кустов резко метнулся какой-то быстрый темный силуэт. Я мгновенно, не дыша, вжалась спиной в шершавый ствол старого дуба. Рука машинально, подчиняясь старым рефлексам, потянулась к кинжалу на поясе. Забинтованные пальцы тут же заныли, намокшие от выступившей сукровицы, настойчиво напоминая о вчерашнем адском испытании.

Но когда я осторожно выглянула из-за своего укрытия, там было абсолютно пусто. Только ветка сирени продолжала слабо покачиваться. Хм… волк. И он явно ищет свежую добычу, вынюхивая чужаков. Насколько я знала из слухов, местных зверей здесь специально пичкали жестокими магическими спецдобавками, чтобы они становились вдвое сильнее, злее и голоднее с каждым часом испытания.

Мои шаги становились все тише и осторожнее, я почти кралась, когда вдруг кожей почувствовала чужой, тяжелый, буравящий взгляд прямо на своем затылке. Волоски на шее встали дыбом. Я замерла как вкопанная, затаив дыхание и чутко вслушиваясь в шорохи леса.

Ни звука. Ни единого дыхания рядом не было слышно. Люциан издевается, следит из тени или просто играет со мной в кошки-мышки, выматывая перед ударом?

Волки боятся громких звуков, люди боятся смотреть им прямо в глаза, ожидая нападения. А что, если я не буду использовать ни то, ни другое? Что, если я пойду своим путем?

Впереди, прямо на узкой тропинке, снова показался крупный силуэт, и я на секунду затаилась за широким деревом, унимая дрожь. Вот он – первый волк. Огромная тварь с взъерошенной серой шерстью и налитыми кровью глазами. Значит, я забрела уже достаточно глубоко в их охотничьи угодья. Прятаться больше не имело смысла – времени оставалось в обрез, час таял на глазах. Я сделала глубокий вдох и решительно вышла из-за дерева прямо на тропу.

Волк резко, со свистом развернулся, мгновенно услышав мои шаги, и утробно, угрожающе зарычал, припадая к земле на мощных лапах. Я не отступила ни на миллиметр. Зверь бешено оскалился, обнажая огромные желтоватые клыки и явно готовясь к смертельному прыжку. Он уже подобрал под себя задние лапы, пока я наконец не взглянула прямо, открыто в его бешеные глаза.

Мы встретились взглядами. Глаза в глаза. Направленный, концентрированный импульс моего Дара ударил ему точно в череп. И волк внезапно замер на полувздохе. Он все еще продолжал утробно рычать, из его пасти капала вязкая слюна, но он не мог двинуться с места ни на сантиметр, словно со всего маху наткнулся грудью на прочную невидимую стену. Я застыла, даже не моргала, удерживая эту ментальную связь и глядя прямо в расширенные зрачки зверя, пока краем глаза улавливала малейшее движение наверху, среди ветвей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.